

Колумб, играющий на флейте

Имя уральца Анатолия Сидорова в 2010 году включено в вышедшую в Швейцарии энциклопедию «Кто есть кто в России»

Ирина КЛЕПИКОВА

В Тюмени, где он когда-то преподавал в музыкальной школе и училище искусств, ученики А. Сидорова никак не могли запомнить его немецкого отчества. «Анатолий Христианович... Христович... Христович...». Кончилось тем, что, с улыбкой вспоминая теперь профессор А. Сидоров, ученики придумали ему прозвище – «Колумб». Так и стали звать. Вряд ли тогда кто-то мог даже предположить, сколь пророческим окажется это вынужденно-придуманное для него имя. В профессии своей, в музыке заслуженный артист России Анатолий Сидоров по многим параметрам оказался истинным первопроходцем.

–Анатолий Христианович, пару дней назад, читая «Жизнь Моцарта» Стендаля, наткнулся на фразу: «Из поразительных технических особенностей, присущих его, Моцарта, музыки, следует отметить новый метод использования оркестра, и особенно духовых инструментов. Он делает необычайно выигрышной партию флейты...».

–Моцарт?! Удивлён. Он же флейту недолюбливал. У него все друзья, кроме Вендинга, были посредственными флейтистами. Можно сказать, писать музыкальные сочинения ему было не для кого. Если что и написал – исключительно по заказу. Например – два концерта для флейты (Ре-мажорный и Соль-мажорный) ему заказал приехавший из Индии богатый офицер. Моцарту, вообще, история приписывает красноречивое высказывание: «Что может быть хуже флейты? – Только две флейты!».

–Вас как профессионала-флейтиста должна обижать эта фраза?

–Нисколько! Дело в том, что в те времена флейта была очень несовершенной, со слабым звуком. В своём сегодняшнем виде флейта появилась только в середине XIX века, благодаря великому немецкому мастеру Бёму. Ювелир, владеец металлургических заводов, он был так влюблён во флейту, что, реконструировав инструмент, поднял его на музыкальный Олимп.

–Но признание флейты в качестве концертного инструмента произошло всё же во Франции? Там музицирование на флейте стало правилом хорошего тона, высококлассные флейтисты почитались наряду с итальянскими певцами-виртуозами. Во всяком случае об этом шла речь на последнем концерте вашего абонемента в Свердловской филармонии.

–Первая половина XX века вообще прошла под знаком школы игры на духовых инструментах. И «виновата», в самом деле, Великая французская революция. Казалось бы, какая связь? Но именно Великая французская революция создала первый государственный духовой оркестр. Не 20-30 человек, а огромный оркестр. Он нужен был для шествий по улицам, со знаменами. А на базе оркестра возникла музыкальная школа, которая впоследствии стала Парижской консерваторией (наша революция позволяла себе такого не могла). А в консерватории, одной из первых в Европе (!), вначале – никаких скрипок, одни только духовые инструменты. Оттуда и вышли известные флейтисты и композиторы, пишущие для флейты.

Революция со временем угадала, а консерватория, оркестр остались. Более того, появилась целая плеяда прекрасных мастеров флейты,

А. Сидоров на Тюменском севере. Река Конда. Лето 2010 года

которые продолжали совершенствовать инструмент.

–Родословную флейты вы явно постигли уже когда учились игре на ней. А как выбрали сам инструмент? По вашей статье вам было больше really подошёл. Или контрабас...

–Случай! Сам-то я деревенский. До одиннадцати моих лет семья жила в глухой деревне: отец был выслан из Поволжья как немец. И я в основном все дни проводил в кабине его машины, а он – шофёр. В деревне, где мы жили, был лагерь политзаключённых. Вместе с отцом и я проезжал туда. А в лагере-то интеллигенция сидела, в том числе и музыканты. Я несколько раз спел для них, и они стали говорить родителям: надо учить его музыки. Так что сделал отец?! Выпировив у начальства земель (тогда целина гремела!), он повёз семью сначала в Тавду, потом – в Свердловск. Чтобы учить сына музыке! Здесь, в музыкальной десятилетке, меня сразу определили в четвёртый класс. Сам-то я хотел учиться на фортепиано. Оказалось, поздно. Мне выпал контрабас, этот «большой шкаф». Но через полгода я понял: не нравится, «не мое», пошли двойки. Тогда меня и перевели на флейту. А я до сих пор думаю: у меня руки – пианистические, на рояле я бы сделал больше.

–«Ещё больше» – следовало бы сказать справедливости ради. Не каждому исполнителю даруется право играть в Домском соборе...

–О да! Мы играли там «Магнификат» Баха – с Уральским симфоническим оркестром и знаменитой Рижской капеллой. А там есть один номер, где солирует певца и играют орган и две флейты. Это было божественно! В Домском соборе – особая акустика. Сыграл аккорд на флейте – и оно, это трёхзвучие, ещё долго звучит. Поэтому те же органысты быстро части произведения играют здесь медленно, чтобы звук не накладывался на звук. Предыдущий звук должен успеть «погаснуть»...

–Скажите: французская школа игры на духовых инструментах и сегодня – одна из ведущих в мире? И как на этом фоне выглядит Россия?

–«Одна из ведущих» – это как раз очень точно. Не ведущая, а «одна из...». В России же мощное становление духовой школы начинается со второй половины XX века. У нас было много блестящих «духовиков», но это – одиночки. В первых консерваториях – в Москве, в Петербурге – преподавали чехи, немцы, итальянцы. Духовой

школы как таковой в России не было. Сейчас российские духовики выходят на первые места. По всем статьям! Этому способствовала и открытость страны, региона. Сейчас – Интернет, аудиозаписи, гастроли. Запад учится у нас. Мы у них. Всё выравняется.

–Вы говорите об этом с грустью? Нет ли утраты самобытности культуры?

–Вынужден согласиться. Я не очень силен в подробностях Болонской системы, которая культивируется сегодня и у нас. Но российское музыкальное образование в советское время было вне конкуренции. Школа – училище – консерватория... Система ступенчатого музыкального воспитания была уникальной. Мир учился у нас. Сейчас уже, этого нет.

–Тем ценнее, что музыковеды сегодня говорят об уральской школе игры на флейте, конкретно – о вашей школе.

–Полагаю: это всё-таки очень возвышенная оценка. По мне, «уральская школа» – это потому, что находится на Урале. Есть Уралмаш, а есть уральская школа флейты. «Привязка к месту».

–Да будет вам скромничать! Йоханн Шмитц, первый флейтист оркестра земли Рейнланд-Пфальц, профессор Высшей школы музыки в Мангейме (ФРГ) сказал о вас: «Никогда не видел, чтобы педагог-флейтисты имели одинаково в своём классе столько выдающихся учеников, сколько господин Сидоров, обрывает по моему мнению, обладает необычайным педагогическим даром».

–Секрет – в методике. Чистое флейтовое дело, ремесло: гаммы, штрихи... Всё то, что шлифуется в классе.

–Но сейчас, насколько я знаю, вы создаёте истинную нетленку уже не только для ваших учеников – восьмитомное учебное пособие «Хроматические секвенции для флейты соло». Два тома изданы. Готовятся следующие...

–Это учебное пособие для развития пальцевой техники и губного аппарата. Ноты, упражнения... Они не несут в себе художественного начала. Огромное море чёрных нот – серое, в общей массе своей нудное, подобное ежедневному обязательному классу у балетных артистов. Но кто этим занимается, не ленится – достигает очень много. Одно и то же, одно и то же – изо дня в день. Зато на всю жизнь – в форме. Поквастанся немного: считал, что это упражнения XXI века. Для новых музыкантов. Такого никто никогда не писал. В сущности – чистая математика, в которой я, мож-

но сказать, от случайностей подошёл к системе. Отдельные упражнения встречаются и у других – у педагога-француза Мойза, у одного из основоположников российской школы игры на флейте Цыбина. И я играл их упражнения. Но думал: а если сделать последний звук на полтона, тон или терцию выше? Стал развивать их идеи, привёл в систему.

–Значимость труда очевидно, но насколько он сегодня востребован в России?

–Хотелось бы больше. Хроматические секвенции играют на Урале, в Сибири... Как всё новое, и это надо «двигать». Но я особо не волнуюсь. Издано 200 экземпляров «Хроматических секвенций для флейты соло». Для России – огромный тираж. Это пойдёт со временем. Знаю. Мои ученики и будут «двигать». Сейчас многие мои выпускники работают в школах, а я жду – через несколько лет уже их ученики появятся в музыкальном училище...

–Хроматические секвенции шлифуют ремесло, а – личность музыканта? Ваши заповеди в профессии?

–Никогда никому не навязываю: «Играйте здесь вот так». Задача педагога – убрать лишнее, шлеуху. Чтобы зерно осталось. Всегда верю: чем талантливее произведение – тем больше в нём подробностей, нюансов, тем больше вероятность и возможность каждому увидеть своё. Так напрягайтесь – слушайте, смотрите. У меня все ребята, даже одно и то же произведение, играют по-разному. У каждого – свой художественный образ. Если его не увидишь – не услышишь звук. Значит, не представляешь, каким штрихом, тембром изобразить его. А без этого нет музыки.

–Бывали случаи, когда ученики удивляли вас? Казалось бы, играют известное сочинение – и вдруг...

–О, это счастье! Редко, но случается. Правда-правда, это невероятное счастье, когда ученик делает что-то лучше тебя! Были у меня такие флейтисты...

–Позвольте от стихии музыки к «стихам, чуждым морали». К вашим путешествиям. Поражает масштаб: участие в переходе «Рубежи» по границе СССР, одиночный полумесячный переход по Мангышлакской степи и пустыне Кара-Кум, велосипедный переход по Кольскому полуострову, пеший переход вдоль Уральского хребта – от самого северного поселения до Башкирии. На крейсерской яхте в Киевском яхтклубом прошли простым матросом через Босфор, Мрамор-

В Камерном зале Свердловской филармонии. Перед концертом

ное и Эгейское моря, Средиземноморье... Побывали у пограничного столба № 1 (северо-запад Кольского полуострова) и на самой крайней точке северо-востока России – в посёлке Уэлен на берегу Берингова пролива.

–«Стихи, чужды морали» – фраза Ницше. Гениальная! Природа сама по себе вне морали. Мораль – в том, как ты к ней относишься. Один рубит лес, другой садит.

Я эти «стихи, чужды морали» особенно ощутил в одиночном полумесячном переходе на юге. Днём заходил глубже в степи Мангышлака, на ночь возвращался ближе к Каспийскому морю. Холод по ночам дикий, днём – жара до сорока градусов. А воды мало: набираешь её с собой ровно столько, чтобы дойти до конечной точки. Каждые полчаса – глоток, и не больше...

–Согласно известной песне, «если с другом вы идёте в путь – веселей дорога»...

–Зато и в два раза короче. Когда идёшь один – больше сосредоточен в себе и на окружающем. Правда, однажды в тайге стало жутковато. Дождь льёт дня три-четыре. Лёт, лёт и лёт. А я путешествую обычно без палатки. Сам, из подручных средств, строю шалаш. Тут – уже мокрый до нитки. Ночью проснёшься: костёр едва теплится, а на озере камыши качаются стеной, из стороны в сторону. Неприятное ощущение. Именно – ощущение. Физически-то я крепкий. В юности и с трамплина на Уктусе прыгал, и лёгкой атлетикой занимался (тренер, увидев меня, сама пригласила в секцию). Лет в 40 пробежал марафон – 42 км 195 метров. До того осваивал «маленькие» дистанции – 5, 10, 15 километров. На марафоне первые 30 км бежишь легко, а дальше можно и сознание потерять. Бежал весной, снег ещё вокруг. Подхватил снег пригоршней, в рот – и дальше... Словом, я парень спортивный был. Это сейчас и помогает. В море. В степи. В лесу. Идешь и сам себя забываешь. Состояние полудрёмы: погружённый в себя, в природу. Ощущение абсолютной гармонии. К вечеру ты без сил, разбит. Физически! Зато духовно – почти парение. Эйфория.

–Может быть, одиночество и дарует нам для того, чтобы пережить состояние гармонии? Редкое в нынешнем суетном мире.

–Конечно! Если бы каждый имел возможность почаще бывать наедине с природой, человечество в целом было бы чище, добрее. Город – это совсем другой мир.

–Тогда вы счастливый человек. Вам дано переживать полярные состояния. Из мира музыки, от своей флейты, в мир «стихий, чуждой морали», а от природы опять к флейте, которая однозначно ассоциируется с музыкальной гостиной, салоном.

–Ну почему же? Я флейту и в тайгу брал! Для друзей. Захотелось вдруг. Вечером, когда все собирались у костра, я отходил метров за

150, к самому озеру и играл. Старинную музыку, импровизации... Потрясающе. Звук несётся над озером до бесконечности. У меня флейта хорошая, акустика на озере – уникальная! У костра все сидели заворожённые...

–Попсть в энциклопедию «Кто есть кто в России» – редкостное признание. Оно случилось, в частности, и благодаря тому, что вы автор идеи и создатель музыкального филармонического абонемента, посвящённого одному инструменту. Кажется, впервые в России?

–В России проводились фестивали, посвящённые отдельному кларнету, трубе. Но флейтового филармонического абонемента не было. У нас он шёл шесть лет, потом был «подхвачен» фестивалем «Волшебная флейта». Сейчас абонемент возобновлён. То есть уже 11 лет на Урале идёт пропаганда флейты, искусства игры на духовых инструментах. Флейта с фогом, виолончелью, роялем, органом, клавином... Мы сыграли огромное количество музыкальных сочинений, которые прежде здесь никогда не звучали. 75 процентов новой для Екатеринбургской музыки!

На следующий год в рамках абонемента будем играть уральских композиторов. Вместе с музыкой Баха. Хотим за два года сыграть всего флейтового Баха. Пришло новое поколение музыкантов. Надо приобщать их к лучшим образцам музыки. К лучшим традициям уральской школы игры на флейте – тоже.

–Так же, как когда-то, в ваши студенческие годы, к лучшей музыке и уральской исполнительской школе вас приобщили знаменитые музыканты Уральского струнного квартета имени Мясковского? Рассказы о нём удивительны. Сидорова пригласили молодого флейтиста Анатолия Сидорова, потому что на флейте «у него был красивый звук».

–Меня пригласили тогда записать с квартетом «Мелодию» Глюка – не более того. Записали. Запись использовали при создании телевизионного балета. Где-то в архивах Свердловского радио и телевидения она даже хранится. Но по молодости лет я мало что тогда ещё понимал, не осознал всей степени избранничества, выпавшего мне счастья. Хотя участники квартета много подкашивали мне потом по исполнению Баха, квартетов Моцарта.

–Сегодня вы – президент Урало-Сибирского фонда по поддержке музыкальных проектов, на деятельность которого многие возлагают большие надежды.

–Да, год назад я стал инициатором создания фонда, а вошёл в него многие известные музыканты. Идёт период становления. В планах – организация фестивалей, концертов, издательская деятельность, приглашение музыкантов, организация мастер-классов. Всё – впереди...

ДОСЬЕ «ОГ»

А. Сидоров родился в 1945 году в Туринске Свердловской области. Отец, Христиан Христианович Вагнер, – из поволжских немцев, мать – Любовь Афанасьевна Сидорова.

Музыкальное образование: специальная школа-десятилетка при Уральской консерватории, Свердловское музыкальное училище им. П. Чайковского, Уральская и Московская консерватории.

Ещё в студенческие годы был приглашён прославленным дирижёром Р. Баршам солировать в Бранденбургском концерте Баха.

В разные годы своего творческого пути А. Сидоров работал солистом симфонических оркестров Свердловской и Омской филармоний, оркестра Екатеринбургского театра оперы и балета.

Огромная концертная деятельность сводила А. Сидорова с прекрасными музыкантами: В. Баянов, Н. Панковой, С. Пешковым, оркестрами «Лицей-камерата» и муниципальным «В-А-С-Н»... Играл с выдающимися дирижёрами М. Паверманом, А. Фридендермом, К. Рощаденским, Е. Колобовым, В. Усминским...

За почти 20-летнюю педагогическую деятельность в Уральской консерватории воспитал плеяду прекрасных флейтистов: девять из них продолжили образование в аспирантуре под руководством своего педагога; Д. Дмитриева и О. Князёва стали первыми в истории искусства игры на флейте в Екатеринбурге призёрами международных конкурсов.

А. Сидоров – автор 8-томного учебного пособия «Хроматические секвенции для флейты соло», автор идеи, художественный руководитель и исполнитель филармонического абонемента «Волшебная флейта».

Неоднократно – председатель или член жюри конкурсов исполнителей на духовых инструментах (Красноярск, Челябинск, Новосибирск, Москва и т.д.).

Увлечения – охота, рыбалка, филателия.

Анатолий (с гармошкой) с братом и сестрой. Деревня Чуть-Чёша на р. Тавда.

БЛИЦ-ОПРОС

–Верно ли, что сегодня существует уже 120 видов флейты?

–Верно. Практически каждая народность имеет свою флейту. Они одинаковы не по внешнему виду, а по принципу звукоизвлечения. Даже детская дудочка или милицейский свисток – это всё флейты. Названия разные.

–Есть флейты, сделанные из дерева, есть металлические. А ещё?

–Есть ещё флейты из тростника, стеклянные, хрустальные... Ленинградская фабрика выпускала когда-то эбонитовые флейты. Я сам на такой учился...

–Три самых любимых вещи?

–Флейта, удочка и ружьё.

–Музыканты – тонко организованные, даже рафинированные люди. И вдруг охота, необходимость или желание убить дичь...

–Охотники говорят «взять дичь». Выследить, найти, полюбоваться, а уж потом – «добыть». На питание. Тургенева, Фет, Гумилёва, Некрасов были охотниками, что не мешало им быть гуманитариями высшей пробы.

–В музыке какого времени вы чувствуете себя комфортнее всего?

–Ближе всего музыка романтиков. У Рахманинова, хотя жил он в неромантическое время, нахожу много именно романтики. Очень люблю Сибелиуса. Вообще, у каждого композитора есть «островок», который мне дорог.

–Предпочтения в литературе? В современной прозе кто интересен?

–Мураками страниц десять прочитал – и отложил. Я, может быть, старомоден, но мне кажется: если хорошо знаешь русскую литературу – другого ничего не надо. У меня старший сын закончил филологический факультет, защищая на современном английском романе, читал в подлиннике, а мне интереснее Толстой, Лермонтов...

–Современный человек в отпуске стремится рвануть подальше, познать мир. А вы?

–Не понимаю этого! «Ой, Париж! Ой, Турция!». Спрашиваю: «А ты был на Байкале?». Сам я был там четыре раза. «А на мысе Дежнёва был?». Я был. Многие почастливились объездить с симфоническим оркестром, во время гастролей с оперным театром.

–В музыке не было желания освоить какую-нибудь смежную специальность?

–На двух последних фестивалях «Волшебная флейта» был дирижёром. Любопытно стало попробовать себя за рамками инструментальной исполнительства. Попробовал. Больше не хочу. Дирижёр – всё-таки другая ипостась.

–Ваше аннотации к концертному абонементу свидетельствуют: у вас – и явное литературное дарование. Может, книгу стоит написать?

–Про флейту уже всё написано. Разве что «о себе милом», о жизни, о встречах. И назвать – «Процесса в веком». Я ведь человек в основном прошлого века. Или ещё вариант названия – «Жизнь неиспользованных возможностей». Не всё удалось реализовать. К сожалению...